

Цяо Янань подняла руку, собираясь вытереть пот. В такую жару еще и стоять у огня — просто невыносимо.

Хуайсинь молниеносно ухватила ее за рукав, на мгновение замешкалась, но затем достала из-за пазухи свой платок и протянула ей.

Цяо Янань не стала церемониться, взяла его и аккуратно промакнула лицо. Конечно, грим все равно немного смазался, но это было куда лучше, чем размазывать всё рукавом.

Вспомнив что-то, она рассмеялась:

— Хуайсинь, раз мы обменялись платками, теперь мы подруги по несчастью, связанные этим платком!

Хуайсинь не знала, что ответить, и лишь неловко замолчала.

Цяо Янань, бросившая эту фразу ради шутки, не придавала значения молчанию спутницы. Она развернула платок и показала его:

— Испачкался.

— Ничего страшного, — Хуайсинь потянулась забрать его, но та снова спрятала ткань:

— Раз уж он все равно грязный, одолжишь еще ненадолго?

Хуайсинь не понимала, что та задумала, но все же кивнула.

Цяо Янань, приподняв подол платья, подбежала к ближайшему ручью. Как только ее руки коснулись воды, она с облегчением выдохнула — вот бы еще и ноги окунуть!

Выжав платок, Цяо Янань вернулась в беседку и осторожно протерла лицо младшему брату. Прохладная ткань принесла ему облегчение, и плач стих.

— Сючэн, возьми таз и принеси воды. — Она привычно подхватила братишку, держа его на одной руке, и указала на то место, где была сама: — Там вода неглубокая, а под сенью деревьев не так жарко. Можешь снять обувь и охладиться.

Цяо Сючэн взглянул в ту сторону и вскоре вернулся с водой.

Цяо Янань напевала колыбельную, продолжая бережно обтирать шею и ручки малыша, чтобы сбить жар. В голове сама собой всплыла фраза: материнство без боли.

Она подумала о том, что никакие слова не приходят просто так. Если не считать того, что она его не рожала и не кормила грудью, она выполняла все обязанности матери. Настоящее материнство без мук.

От прежней суеты и растерянности, когда она только взяла на себя заботу о детях, до нынешней уверенности прошел всего месяц.

— Я убрала дрова из костра.

Хуайсинь, стоявшая в растерянности перед кипящим котлом, вызвала у Цяо Янань недоумение. Еще когда она наносила ей грим, то заметила: руки у девушки крупнее, чем у обычных барышень, ладони не такие мягкие, а на подушечках — тонкие мозоли. Сначала она подумала, что та натерпелась лишений от мачехи, но сейчас, глядя на ее неумелость в домашних делах, она засомневалась: в чем же именно ее так притесняли?

— Сдвинь крышку, не дай рисовому отвару убежать, это же еда для маленького Сюци.

Хуайсинь потянулась снять крышку, но Цяо Янань быстро остановила ее:

— Не руками, обожжешься!

Хуайсинь отдернула руку, подцепила щепкой ручку крышки и сдвинула ее. Затем она обернулась к Цяо Янань, ожидая дальнейших указаний.

— Размешай палочками, чтобы рис не пригорел.

Хуайсинь послушно выполнила просьбу.

— Теперь перелей отвар в ту большую чашу. Смотри, чтобы рис не попал, он еще сырой. И осторожнее, не брызни на руки, он очень горячий.

Хуайсинь тихо выдохнула, стараясь, чтобы движения казались увереннее, но в глазах Цяо Янань это лишь подтвердило догадку: девица никогда не занималась хозяйством. Неужели ее заставляли только дрова колоть? Если так, то мачеха просто безумна — такую красавицу нужно беречь, ведь выгодно выдав ее замуж за богача, можно получить гораздо больше пользы.

— Не вычерпывай всё досуха, оставь немного. Рис еще не дошел. Посмотри на огонь, если сильный — убери еще дров, а потом накрой крышкой, пусть допревает.

Хуайсинь замерла, затем, прикрыв собой обзор, влила немного отвара обратно в почти сухой рис. Убедившись, что огонь слабый, она накрыла котел и принесла чашу с отваром.

— Он столько съест?

— Это ему на два раза, еще и после обеда покормлю. — Цяо Янань выжала платок: — Весь в поту, умойся.

Хуайсинь указала на свое лицо: умыться?

— Ничего, сейчас чужих нет. Освежись, а как умоешься, я снова тебя подкрашу.

Хуайсинь, которая сама чувствовала, как неприятно грязь стягивает кожу, больше не спорила. Она зачерпнула воды, собираясь плеснуть на лицо, но, вспомнив, что она сейчас в образе девицы, разжала пальцы, пропуская воду сквозь них, и влажными ладонями начала медленно протирать кожу.

В этот момент вернулся Цяо Сючэн. Он выглядел довольным — явно хорошо искупался. Увидев грязную воду, он, не дожидаясь просьбы, пошел за свежей.

— Иди сюда, поддержи брата.

Передав ребенка, Цяо Янань проверила рис. Убедившись, что он готов, она полностью выгребла угли, достала из укромного уголка повозки четыре лепешки, положила их на рис подогреться, отлила в чашу часть отвара, и только после этого взяла ватные тампоны и пудру.

Хуайсинь наблюдала за ее ловкими, словно текущая вода, движениями, и ей показалось, что это красивее любого мастерства владения мечом.

— Хуайсинь, ты до чего же хороша, — приговаривала Цяо Янань, ощупывая лицо спутницы. Она видела немало красавиц в своей прошлой жизни, но Хуайсинь затмевала их всех.

От близости лица и прикосновений рук Цяо Янань тело Хуайсинь напряглось. Она не знала, куда деть глаза, чувствовала дыхание девушки на своей коже, их вдохи переплетались, становясь общими. Она невольно задержала дыхание и зажмурилась, в душе творился полный хаос.

— Если бы ты была просто миловидной, я бы еще позавидовала. Но ты настолько прекрасна, что даже завидовать не получается. — Цяо Янань ватным тампоном наносила пудру. — Тебе нужно быть осторожнее: как только выйдешь в люди, прикрывай лицо. Знаешь ведь: красота — тяжелое бремя. Доберемся до Гуйхуали, я научу тебя этому искусству. Говори, только глаза не открывай.

Хуайсинь поспешно зажмурилась, часто дыша — она едва не забыла, как дышать, лишь бы не нарушить этот момент.

— Научишь меня?

— Если это поможет тебе выжить, значит, мастерство того стоит.

Помолчав, Хуайсинь задала мучивший ее вопрос:

— Почему ты так помогаешь мне?

— Потому что ты красивая! — Цяо Янань ответила, даже не задумываясь. — Ко мне за помощью обратился невероятно красивый человек, и по такой веской причине — конечно, я помогу, если могу. Кто же устоит перед красотой?

— ...— Этот довод был просто изумительным, хотя, по логике, на такое мог согласиться только мужчина.

Цяо Янань, словно прочитав ее мысли, улыбнулась и добавила:

— Женщинам нелегко. Если встретишься с бедой, всегда нужно протянуть руку помощи.

— А если я окажусь злодеем? Или меня схватят люди мачехи?

— Я же сказала, я тебя продам. Ты думаешь, я шучу? Я слабая женщина, на руках один, за юбку держится другой — вид у нас самый жалкий. А ты в мужском платье... Я просто расплачусь и скажу, что ты меня захватил. Думаешь, они не поверят?

Они непременно поверят. Даже он сам бы поверил, подумал Хуайсинь. Кто заподозрит такую смелую девушку? В этом и проявилась ее проницательность: она за такой короткий срок уже продумала путь к отступлению.

<http://bllate.org/book/20743/2078421>